

В Мария
Воронова

Мой бедный
богатый мужчина

Мария Воронова

Мой бедный богатый мужчина

Серия «Еще раз про любовь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8913178

*Воронова, Мария Владимировна. Мой бедный богатый мужчина : роман: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-76566-9*

Аннотация

Брак по расчету – в чем его плюсы и минусы для героев романа Марии Вороновой?

Медицинская сестра избавляется от бедности, а владелец модной клиники пластической хирургии – от одиночества. Но Диана не чувствует себя хозяйкой большого дома, а Розенберг не видит в ней близкого друга и продолжает тосковать по умершей первой жене. Значит, счастливый брак без любви невозможен в принципе?

Ни Диана, ни ее муж не знают ответа на этот вопрос. А жизнь уже приготовила для них тяжелые испытания, которые можно выдержать только вместе. Вот тогда и выяснится, оправдался ли расчет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	54
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Мария Воронова

Мой бедный

богатый мужчина

© Воронова М. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Мила поставила чашку на стол, так и не отпив чаю.

– Стас, я очень беспокоюсь. От него уже два дня никаких известий.

Ее жених потянулся, зевнул и положил себе еще кусок черничного пирога. Поднялся налить чаю, попутно смахнув со стола пачку салфеток: его крупное тело с трудом помещалось в крошечной кухне.

– Да загулял твой папаша, – усмехнулся он. – Завис у бабы, только и всего. Или, ты считаешь, он должен отпрашиваться у падчерицы?

– Он вовсе не должен у меня отпрашиваться, – мягко сказала Мила. – Но зачем отключать мобильный? И что же это за баба такая, что от нее не оторваться даже ради работы? Я сегодня звонила в клинику, он не вышел после выходных, хотя обычно торчит там и по субботам, и по воскресеньям.

– Это меняет дело... – Стас Чесноков почесал в затылке. – И все же, я думаю, волноваться не стоит. Поехал с друзьями на природу, зарядник забыл, и там у них какой-нибудь форс-мажор случился. Колесо спустило, например. Завтра вернется твой папаша Розенберг целый и невредимый.

Мила ожесточенно помешала ложкой остывший чай.

– Надеюсь, что ты прав. Знаешь, он обалдел немножко от свободы. Я выросла, замуж вот выхожу, – она нежно улыб-

нулась Стасу, – младших девочек он отправил учиться в Англию...

– Что?! – С Чеснокова моментально слетела его обычная невозмутимость. – Куда он их отправил?

– В Англию.

– На какие шиши?

– О господи... – Мила смущенно опустила глаза, а потом, тяжело вздохнув, решилась: – Все равно пришлось бы рано или поздно тебе сказать: папа очень небедный человек. Он – владелец клиники эстетической медицины «Клеопатра».

– Не может быть! – Стас в изумлении уставился на нее.

– Может.

– Но почему ты тогда живешь в такой квартире? – Чесноков повел рукой, и ручища немедленно уперлась в стенной шкафчик, где что-то задребезжало. – Твой папаша воспитывает тебя по западным принципам? Или просто не считает нужным обеспечивать приемную дочь?

– Ни то ни другое. Розенберг полностью обеспечивает меня. У меня есть счет в банке и большая квартира на Крестовском острове, в которую мы с тобой можем хоть сейчас переехать. Просто, понимаешь... – Она замялась.

– Не понимаю!

– Ну, мы до поры до времени не хотели тебе говорить... И эту квартирку Розенберг специально снял.

Ярко-розовые щеки Чеснокова, из-за которых коллеги прозвали его Помидором, побледнели.

– Специально, говоришь? – Он присвистнул и внимательно посмотрел на Милу. – Я правильно понял, что вы боялись, как бы я не женился на тебе ради денег?

– Нет, но...

– А если нет, к чему эта конспирация?

– Стас, так получилось...

– Ах вот как! – Он ударил ладонью по столу и поднялся со стула. – Значит, так получилось! Мы каждый день встречались, уже месяц вместе живем, и за все это время ты поняла про меня только одно: что я позарюсь на твои деньги, узнав, что ты богата! Я прав? – грозно спросил он.

Мила тоже вскочила.

– Стас, прости... – начала она и попыталась обнять его, но он отвел ее руки.

– Я-то прощу, только что это изменит? Как я буду жить с тобой дальше, зная, что ты считала меня альфонсом?

– Стас, наоборот, мы боялись, что наши деньги тебя отпугнут!

– И вы не ошиблись, – устало сказал он. – Что же мне теперь, входить в семью таким бедным родственником? Твой папаша Розенберг после свадьбы возьмется содержать и меня, а заодно будет указывать, как мне жить. И ты тоже при каждом удобном случае станешь тыкать мне в нос, что я живу на чужие деньги. На фиг надо!

– Но, Стас, не имеет значения, откуда в семье деньги!

Чесноков посмотрел на нее тяжелым взглядом:

– Если бы это действительно не имело значения, вы не стали бы скрывать от меня свое богатство.

Немного постояв на кухонном пятачке, он отстранил Милу и решительно направился к двери.

Медсестра Диана, натуральная блондинка двадцати пяти лет от роду, заглянула в ординаторскую:

– Лада Николаевна, из операционной везут больного, идите принимать.

Реаниматолог, высокая сдобная девушка средних лет, кивнула, поправила сложную старомодную прическу и плавной походкой отправилась на пост.

Если бы Ладу Николаевну увидели Рубенс с Кустодиевым, то немедленно потянулись бы к холсту и краскам, ибо данная женщина относилась к типу немодных нынче полных румяных красавиц. Слушая ее неторопливую, обстоятельную речь, глядя на округлые, неспешные движения, невозможно было представить, что она способна интубировать трахею и проводить реанимационные мероприятия при клинической смерти. Однако даже в критических ситуациях Лада Николаевна чувствовала себя как рыба в воде. Без крика, без суеты, когда другие доктора только соображали, что же надо делать, она уже переводила больного на искусственную вентиляцию легких и диктовала назначения.

Коллеги любили работать с такой умницей и красавицей. Правда, личная жизнь умницы и красавицы пока не склады-

валась...

– Интересно, какой подарок нам приготовил Ян Александрович? – Лада Николаевна улыбнулась Диане.

– Ну, даже если больной тяжелый, за хирургическую часть мы можем не беспокоиться.

– Это верно, – кивнула Лада, устраиваясь за письменным столом.

Ян Александрович, он же профессор Колдунов, справедливо считался одним из лучших хирургов города.

Раздался грохот древней каталки, толкаемой по кафельному полу коридора. Стукнула двустворчатая дверь, с силой распахнутая недовольным анестезиологом, и реанимационный пост заполнился людьми.

Лада вытащила из-под подушки пациента историю болезни и принялась листать ее, а Диана занялась переключением больного с каталки на кровать. Помогавшие ей сестры приемного отделения и дежурный анестезиолог не скрывали брезгливости: по окончании процедуры они сразу кинулись мыть руки и после этого быстро убежали.

Только Колдунов, красивый синеглазый брюнет, продолжал устало сидеть, облокотившись на письменный стол Лады.

– Что, опять бомжика нам подогнали? – участливо спросила она. – Чем хворает человечек?

– Как обычно. В канаве подобрали, привезли к нам в приемное. Диспетчеры собирались его в тигрятник засунуть, по-

ка не протрезвеет, но обратили внимание, что у него одна щека существенно больше другой. Меня позвали, говорят: посмотрите, Ян Александрович, флегмона там или, может, свинка? Ну, а какая ж свинка с одной стороны? Полусвинка, что ли? Прихожу смотреть, мужик, бедняга, лыка не вяжет, а лицо разнесло... Будто у него вторая голова выросла. Только мозгов в ней, к сожалению, столько же, сколько в первой. – Колдунов вздохнул, скорбя о глупости бомжа. – Думаю, человек набрался по самые брови, повздорил с коллегами и получил по физиономии. Ну а дальше понятно – иммунитет, подорванный пьянством и несправедным образом жизни, переохлаждение, вот гематома и нагноилась. Я обработал, теперь его можно было бы в отделение везти, но я решил лучше к вам. Не будете ругаться?

Лада Николаевна кокетливо повела плечиком. Впрочем, кокетливость эта была напускной, игрушечной – Колдунов, как многодетный отец, не состоял в реестре потенциальных любовников и интересных мужчин больницы. Счастливый в браке, одаренный многочисленным потомством, Ян Александрович никогда не заглядывался на женщин, будучи для сотрудниц добрым приятелем, но отнюдь не воздыхателем или ухажером.

– В отделении его быстро закопают, – продолжал он. – Раз документов нет плюс еще пьяный, антибиотики нормальные колоть не будут, да и где их взять-то, нормальные? А у него, кажется, пневмония начинается, надо полечить хотя бы

денька три.

– Сделаем, Ян Александрович. Изыщем внутренние резервы. Витаминчики, глюкозка, то-се... Мужик-то, кажется, молодой, жалко, если помрет.

Колдунов с хрустом потянулся.

– Как приятно, Ладушка Николаевна, иметь с вами дело. А то большинство наших докторов исповедует принцип: убил бомжа – очистил город.

– Один вы, Ян Александрович, с ними целуетесь.

– А что делать? Терпимость к своим недостаткам – порок, а терпимость к чужим порокам – добродетель. Я просто пытаюсь уравновесить плюсы и минусы собственной личности.

Лада задумчиво кивнула, вытащила из кармана ручку и, не отрываясь от беседы с Колдуновым, принялась строчить в истории болезни стандартный приемный эпикриз: «Больной доставлен из операционной в состоянии медикаментозного сна...»

– Телефонogramму дали? Что говорить, если вдруг из милиции позвонят? Как обычно – избит неизвестными лицами?

– Угу. Лицами, пожелавшими остаться неизвестными... – Колдунов опять потянулся и несколько раз подряд энергично зевнул, прогоняя сон. – Но сдастся мне, били они его все-таки не лицами, а другими частями тела, предположительно ногами.

Вполуха слушая колдуновские разглагольствования, Диа-

на обихаживала больного: написала на прикрепленной в ногах кровати табличке: «Неизвестный», установила капельницу в штатив, проверила надежность повязки и привязала руки и ноги специальными ремнями.

Фиксация больного в реанимационном отделении не жестокость, а вынужденная мера – в бессознательном состоянии пациент может нанести себе вред, если оставить его руки свободными.

«Как-то не похож он на бомжа, – лениво думала Диана, разглядывая свежую, без расчесов и гнойников кожу, под которой прослеживались крепкие мускулы. – И на алкаша тоже не похож, лицо не одутловатое. Наверное, опустился совсем недавно... Это добиваться положения в обществе приходится годами, а упасть на дно можно в один миг. Жаль, тело красивое. Сколько ему лет, интересно?.. Никак не больше сорока, жить бы да жить. Впрочем, мы ничего о нем не знаем, кроме того, что он валялся на улице пьяный и избитый. Кто сказал, что напиваются только бомжи? А тело, ей-богу, ухоженное».

Она пригляделась к рукам: грязные, но грязь на них свежая, а не копившаяся годами. Ногти ухоженные, аккуратно подстриженные, а не обломанные. У бомжей не бывает таких рук. И ног таких, с аккуратными пятками, у них тоже не бывает.

Ох, напрасно доктора записали его в бомжи, на самом деле это приличный человек, оказавшийся в канаве из-за ро-

кового стечения обстоятельств!

Сделав вид, что поправляет мнимому бомжу повязку, Диана осмотрела зубы и волосы. Стрижка очень короткая, почти под ноль, можно предположить, что мужика обрили в каком-нибудь санпропускнике. Однако Диана почувствовала, что над его головой поработал дорогой парикмахер. Ну а зубы... Бомж, даже просто малообеспеченный человек, не может содержать зубы в таком состоянии. «Нужно доложить докторам о своих выводах», – подумала Диана.

Но вдруг словно кто-то шепнул ей на ушко: «Это твой шанс. Непусти его».

Глава 2

Диана Кутепова всегда спускалась в школьный гардероб по левой лестнице. Пусть для этого приходилось делать круг по всей школе, пусть пахло столовскими щами и на площадке вечно толкалась малышня, зато путь пролегал мимо стенда «Наши чемпионы».

Хватало мимолетного взгляда на фотографию Володи Стасова, чтобы сердце Дианы сладко и томительно сжималось, а в живот ей словно ударяла мощная морская волна.

Господи, как она его любила!

Наверное, с сотворения мира никто так не мучился и не страдал от любви, как девятиклассница Диана, навеки отдавшая свое сердце лучшему футболисту школы.

Ученик выпускного класса вряд ли подозревал, что на него обрушился столь мощный поток чувств, скорее всего он даже не знал о Дианином существовании. Но видеть его, наблюдать, как он тренируется в зале или играет в футбол на поле за школой, было для Дианы величайшим счастьем на свете. А уж если удавалось поймать его взгляд... Таких случаев было всего три, но каждый из них отпечатался в Дианиной памяти в мельчайших подробностях.

К несчастью, расписания уроков у девятого и одиннадцатого классов не совпадали, и видеть своего кумира Диане удавалось не каждый день. Что же ей оставалось? Долгие

одинокие посиделки на скамейке в Володином дворе в надежде увидеть, как любимый идет домой, да школьные дискотеки раз в месяц, когда Диана безнадежно простаивала весь вечер в углу, ревниво отмечая, с кем Володя танцует медленные танцы.

Но самое страшное ждало впереди – еще одна четверть, и Стасов окончит школу, тогда ей вовсе не удастся видеть его...

Как же она будет жить?

Она вышла на трамвайную остановку. Начиналась мокрая питерская весна, грязный снег оседал на глазах, становясь похожим на куски пемзы, из-под него проступал серый асфальт, и небо тоже было мокрым и тяжелым, как асфальт. Но в лужах стучала капель, настойчиво пела какая-то птичка, от этого веселело на душе, и казалось, что все еще может случиться. Володя разглядит ее среди толпы обожающих его школьниц, поймет, какая она хорошая и как сильно любит его...

Диана промочила ноги, но упорно стояла на остановке, пропуская трамваи один за другим, – ждала, когда Володя выйдет из школы. Ей казалось очень важным, чтобы он увидел ее именно на остановке, а не в школьном коридоре.

Она посмотрелась в стекло киоска «Союзпечати» – толстощекая девица молочно-восковой спелости с крупной, но довольно стройной фигурой. Жакет, перешитый мамой из бабушкиного пальто, не мог, конечно, сравниться с импорт-

ными куртками одноклассниц, но сидел идеально, подчеркивая тонюсенькую талию, плавную линию бедер и длинные ноги.

Почти все девчонки в их элитной школе хорошо одеты. У Стасова, наверное, в глазах уже рябит от фирменных шмоток, и Дианина бедность выделит ее из толпы девчонок, заставит обратить на себя внимание.

«Он увидит, какая я аккуратная. Пусть все вещи у меня старые, но чистые и отглаженные. Он поймет, что я прекрасная хозяйка, и женится на мне, – мечтала Диана, разглядывая собственные ноги, облаченные в многократно заштопаннные колготки и сапоги, от старости утратившие форму. – Ничего, скоро у меня будут новые сапоги, мама обещала. – Диана счастливо вздохнула, представив вожаделенную обувь: черные невысокие сапожки на среднем каблуке с узким голенищем и острым носком. Они будут обалденно смотреться с жакетом. К ним нужна широкая юбка до середины колена, малахитовая или цвета бордо, а может, шотландка, но, сколько я ни хожу по магазинам, нигде не видела настоящей шотландки. Юбка-брюки тоже будет прекрасно смотреться, но жакет к ней лучше бы покороче. А вот джинсовая юбка – ни при каких обстоятельствах!»

Диана обожала одеваться. Сколько всего она бы купила, будь у нее вдоволь денег!.. Обладая отличным вкусом, она ухитрялась неплохо выглядеть и в том, что у нее было, все отмечали ее умение одеться и чувство стиля. Но вещей пре-

стижных фирм, которые могли бы поднять ее рейтинг в классе, у Дианы не было...

Володя должен бы уже выйти из школы, шестой урок давно закончился. Где же он? Пошел другой дорогой на тренировку? Неужели она сегодня не увидит его?

Ждать дальше было бессмысленно, но Диана продолжала упорно стоять в промокших сапогах, пропуская редкие трамваи, с грохотом подкатывавшие к остановке. Малодушно уйти домой не позволяла мысль: а вдруг именно сегодня? Именно сегодня так выглянет из-за туч и блеснет солнце, что Володя посмотрит на нее и поймет, что не может больше без нее жить!.. Да и просто Диане хотелось снова испытать тот душевный и телесный восторг, который всякий раз охватывал ее при виде Стасова. Она словно наркоманка нуждалась в этих удивительных ощущениях... Нет, нельзя упускать ни малейшей возможности увидеть любимого, ведь где она будет его искать потом? Просиживать часами в его дворе? А если он поступит в военное училище и переедет в казарму?

Наконец он появился, едва различимый в туманном питерском воздухе.

У Дианы привычно подкосились ноги, лицо обдало жаром, а в животе словно кто-то отлепил гигантскую присоску.

Красивый, темноволосый, большеглазый, с тяжелым подбородком и крупным прямым носом, Володя Стасов выглядел в свои семнадцать лет взрослым мужчиной. Невысокий, крепко сбитый, он обладал идеальным для футболиста тело-

сложением и двигался удивительно легко.

Когда первая волна восторга отхлынула, Диана невольно залюбовалась им, а Володя, скользя по ней равнодушным взглядом, запрыгнул в некстати подошедший трамвай...

Чертов трамвай, вечно он подкатывает когда не надо! Если бы его не было, Володя в ожидании мог бы заинтересоваться девушкой на остановке. И как знать...

Тут Диана снова увидела свое отражение в киоске «Союзпечати» и поняла, что такой девушкой Володя не заинтересуется, даже если трамвая не будет несколько лет. Долгое ожидание окрасило ее нос в красный цвет, глаза заслезились, а волосы растрепались и обвисли от сырости. В таком виде не стоило маячить перед глазами кумира.

Расстроившись, она побрела домой.

Сняв верхнюю одежду, осторожно заглянула в комнату: мама еще спала. Лучше было, конечно, погулять хотя бы часок, чтобы дать маме выспаться после суточного дежурства, но Диана так продрогла, что почти не чувствовала под собой ног.

Она сняла колготки и сразу постирала, чтобы успели высохнуть до вечера, если она вдруг соберется погулять с подругой.

А что делать, если у тебя одна пара на все случаи жизни? В семье вообще было мало вещей, и когда мама устраивала большую стирку, порой вдруг оказывалось, что, увлекшись, она постирала всю одежду и выйти из дому членам семьи

решительно не в чем. Приходилось срочно сушить вещички феном для волос и лихорадочно гладить или изобретать костюмы из подручных средств.

Кухня встретила Диану блеском алюминиевых кастрюлек и сверкающей белизной кухонного шкафчика. Как обычно, мама тщательно прибралась, приготовила обед и лишь затем бухнулась в койку.

Диана заглянула в кастрюли – рассольник, рыба по-польски, картошка и салат из редьки. Наверняка все очень вкусное, но одной есть скучно. Она, хоть и голодная, дождется отца.

Заварив себе чайку, она устроилась на табуретке с книжкой: роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» Диана перечитывала в тысячный раз и грезилась наяву, представляя себя в роли Джейн, а Володю соответственно в роли мистера Рочестера.

Если книжный Рочестер смог разглядеть в невзрачной и плохо одетой дурнушке прекрасную любящую душу, значит, на это способен и Володя. Правда, Джейн воспитывала ребенка Рочестера, помогала ему, когда он повредил ногу, а Диана всего лишь смотрит на Стасова влюбленными глазами. Что бы такое сделать для него? Но Володя жив, здоров и совершенно не нуждается в ее поддержке. Если бы была война... Он – командир, она – бесстрашный санинструктор, выносит его с поля боя и осторожно, нежно обрабатывает рану...

Диана усмехнулась, обуздывая свои романтические мечты.

– Ты что сидишь на кухне как бедная родственница? – Окунувшись в призрачный мир любовных переживаний, Диана и не заметила, как мама вошла в кухню. – Я сто раз говорила, что меня невозможно разбудить, когда я сплю после дежурства. Даже если ты приведешь подружек и устроишь дискотеку, я не проснусь!

– Я чаю хотела попить.

– Давай.

Мама достала из шкафчика печенье.

– Нет, печенье не буду.

– Фигуру блюдешь? Но с нашими доходами ты не растолстеешь, даже если захочешь.

Мама поцеловала ее в макушку и налила себе чаю.

– А то, может, пообедаешь? Папа когда еще придет.

Диана решительно помотала головой.

Вздохнув, мама заново закрутила волосы на затылке, скрепив их длинными, как у японской гейши, шпильками. Диана залюбовалась: какая у нее длинная тонкая шея, маленький, но твердый подбородок...

Удивительно, в свои тридцать четыре мама смотрелась молоденькой девушкой. На родительских собраниях, которые она изредка посещала, среди расплывшихся, обабившихся мамаш она выглядела провинившейся старшеклассницей, и Диана очень этим гордилась.

Причем впечатление юности создавалось не гладким лицом и не легкой фигурой – после родов мама приобрела внушительный бюст и вообще располнела. Просто она была быстрой и веселой женщиной, а выражение лица у нее все время было такое, словно она вот-вот расхохочется. Хотя, на беспристрастный взгляд, веселиться было не с чего. Муж – учитель русского языка и литературы, сама – фельдшер на «Скорой помощи». Жили с почти взрослой дочерью в коммуналке, в одной комнате, и понятно, что отдельная квартира семейству Кутеповых не светила.

Покупали только «продукты первого звена», как выражался папа, любивший систематизировать, то есть муку, яйца, крупы, овощи, масло, молоко, рыбу и мясо. Никаких колбас и прочих деликатесов.

Но скудным набором продуктов мама ухитрялась кормить семью вкусно и сытно. Вегетарианский борщ получался у нее так, что никто не сомневался в присутствии в нем сахарной косточки с добрым куском мяса.

А суп из голов лососевых рыб!.. Всего-то и надо пару картошек, морковок, луковку и ложку подсолнечного масла. Ну и рыбью голову, только не забыть вынуть из нее жабры.

Или взять гречневую кашу – казалось бы, скучное блюдо, но мама добавляла туда жареный лук, крутое яйцо и щепотку сушеных грибов, и обычная каша превращалась в амброзию.

Воистину супруги Кутеповы принадлежали к злосчастной категории людей, которых деньги упорно обходят стороной.

На службе им выписывали самые маленькие премии, бригадир грузчиков постоянно обманывал папу и недоплачивал за смену, а маму ставили дежурить только с теми врачами, которые или не брали с пациентов деньги, или не считали нужным делиться со средним медперсоналом. Если семье все же удавалось что-нибудь отложить, моментально возникали непредвиденные расходы, сжирающие невеликие сбережения: в старом доме то прорывало трубы, то замыкало проводку. Старушки соседки в ликвидации аварий не участвовали, а мама безошибочно находила ремонтников, выполняющих работу из рук вон плохо, причем за самую высокую плату.

Часто в семьях таких бессребреников вырастают прагматики, больше всего на свете ценящие деньги и то, что можно на них купить. Дети вообще тяжело переносят нищету, она не позволяет им добиться популярности в среде более обеспеченных одноклассников, чутко реагирующих на социальные различия. В результате они конфликтуют с родителями, требуют денег, начинают ненавидеть и презирать «предков» за то, что те не умеют зарабатывать. Но Диана переносила бедность с таким же достоинством, как ее родители.

Конечно, иногда она думала, что, будь у нее побольше красивых вещей, ее шансы на Володину любовь резко возросли бы... Но в целом Диана принимала жизнь такой, как она есть, а уж обвинять родителей в отсутствии денег ей и в голову не приходило.

Может быть, потому что они никогда не возводили свою бедность в принцип и достоинство? Или потому, что папа два-три раза в неделю разгружал по ночам вагоны на Московском вокзале, а мама каждую свободную минуту вязала шапки на допотопной вязальной машине? Родители никогда не кичились бедностью и не утверждали, что если они не умеют заработать, то обладают особенной духовностью, недоступной более обеспеченным людям.

«Ты не носишь модных тряпок только потому, что мы не в состоянии их купить, – вздыхала мама, – а вообще в стремлении красиво одеваться нет ничего плохого».

В дверь позвонили – отец не любил открывать ключом, ему нравилось, когда жена встречает и целует его на пороге.

– Посеял разумное, доброе, вечное? Когда урожай будешь собирать?

– Вот и ты туда же! – донесся до Дианы возбужденный голос. – В этом и заключается главная ошибка наших педагогов. Они ждут немедленного результата и злятся на детей за то, что его нет. По их мнению, после уроков дети должны стройными рядами нестись в библиотеку за книгами Пушкина и Толстого, а потом, не заходя домой, сразу в Эрмитаж и консерваторию. А на самом деле такого быть не может! Как говорится, порой звук имеет очень низкую скорость. То, что детям говорят в четырнадцать лет, иногда доходит до них лишь к сорока. А уж тем более, если это такие неблагополуч-

ные и запущенные дети, как у нас в путяге. Пусть шатаются в подворотнях, курят, выпивают, слушают свой тяжелый рок и болеют за «Зенит», благослови их бог. На данном этапе я не могу их убедить, что Пушкин лучше Кинчева. Если потом, в зрелости, когда жизнь больно стукнет их по голове, они вспомнят, что я им говорил, и, может быть, найдут в этом утешение или способ выйти из кризиса, я буду считать, что прожил жизнь не напрасно.

– Я вообще-то только хотела узнать, когда тебе дадут зарплату, – миролюбиво заметила мама, позволив ему высказаться о наболевшем.

В строительном ПТУ отцу не с кем было обсудить свои взгляды на педагогику, поэтому он разряжался в кругу семьи.

– А вот этого нам знать не дано. Но не волнуйся, я сегодня пойду на вокзал, и там обязательно хорошо заплатят. Дементьев звонил, он сломал ногу, мне придется работать за двоих.

– Тебя опять напарят, так что это ты можешь не волноваться. Ладно, пойдем обедать, мы с Дианкой уже с голоду пухнем.

За едой азартно обсуждали предстоящую покупку сапог. Папа горячился, утверждал, что короткие сапожки зрительно укорачивают ногу и полнят икру, поэтому, если и брать такие, то только с вызывающей шнуровкой.

– А может, разоримся на ботфорты? В нашей путяге сейчас все девчонки их носят!

В ПТУ, в отличие от школы, формы не было, и отец считал себя знатоком молодежной моды, докладывая Диане, в чем щеголяют его ученицы.

Диана хмыкала: мода на сапоги выше колена давно уже отцветала на рабочих окраинах, прогрессивные люди интересовались совсем другими вещами. Сама-то она была уверена, что лучше всего ей пошли бы длинные сапоги, плотно облегающие икру. Но такая модель подразумевала молнию, а молнии имеют обыкновение ломаться. И где, скажите на милость, брать деньги на замену?

Наконец решено было побродить по торговым точкам и действовать по обстановке.

– А как же ты пойдешь сегодня грузить вагоны? – спросила мама, разливая чай. – Ведь у тебя завтра методсовет.

– Черт, я и забыл! Ничего, сяду в уголке и отосплюсь под бубнеж о необходимости возрождения классического образования. Я все эти речи наизусть знаю: развивать у детей память, способности к языкам, для этого преподавать латынь, древнегреческий... А вот у меня ученики свободно разговаривают на матерном, причем овладели им самостоятельно, без моей помощи!

Диана засмеялась.

– Мне и самому хочется заговорить на этом языке, когда я слушаю бредни о реформах современной педагогики, – пожаловался отец.

Мама встала, положила руки ему на плечи и из этой без-

опасной позиции подмигнула Диане. Обоим приходилось слушать речи о педагогических реформах больше, чем хотелось бы.

– Нет, вы только подумайте! – снова забушевал отец, не забыв прижаться щекой к руке жены. – Преподавателей латыни и греческого на всех не хватает, так что эти подходы насчет возрождения классического образования всего лишь очередной шаг к ранней сегрегации населения. А я твердо убежден, что абсолютно все без исключения дети должны получать одинаковое образование!

– Вот поэтому ты и работаешь учителем литературы в ПТУ. – Мать поцеловала его в макушку.

– Поэтому я и работаю учителем литературы в ПТУ!

– Ну и молодец.

Раньше он трудился в университете, считаясь перспективным пушкинистом. Отец даже защитил диссертацию, а потом вдруг решил, что занимается несправедными вещами.

«Какая странная судьба, – говорил он, – Пушкин жизнь отдал за то, чтобы прекратить пересуды насчет своей жены и Дантеса, однако эта тема мусолится высоколобыми сплетниками уже больше ста пятидесяти лет. Но я, как мужчина, больше не хочу участвовать в этом безобразии».

Он мог бы устроиться в самую престижную школу, но, решив, что там и без него хватает интеллигентов, пошел в ПТУ, находящееся в соседнем дворе, где принялся наставлять молодое поколение с таким же пылом, с каким раньше

изучал биографию Пушкина.

– А вся эта болтовня насчет индивидуального подхода, интереса к личности ребенка! Вот в лоб бы дал за такие идеи!.. Можно мне еще чаю?

– Я сделаю, – вызвалась Диана, вскочила и зажгла газ под чайником. Отец пил только кипяток.

– Что плохого в индивидуальном подходе? – удивилась мама и получила от Дианы укоризненный взгляд: отец странно излагал свою точку зрения и без дополнительных вопросов.

А тут он просто подпрыгнул на стуле от возмущения, что предвещало лекцию минут на сорок.

– Я скажу тебе, что! Личность им, видишь ли, интересна! Но ты пойми, мы же все как дети, а каким образом дети поступают с предметами, которые их интересуют? Правильно, они их ломают. Личность человека на то и личность, что является его сугубо частным делом, его, если хочешь, тайной. Есть нормы поведения в обществе, они просты и достаточно четко регламентированы. Есть правила поведения, или манеры. И есть определенный багаж знаний, накопленный человечеством, о котором индивидууму желательно иметь представление. Все! Если человек знает, что нельзя убивать, красть, иметь беспорядочные половые связи, доносить, лгать и предавать, и следует этим заповедям, какая разница, что он при этом думает и чувствует? С другой стороны, если он умеет быть любезным и приятным собеседником, его внутрен-

ний мир вряд ли кого-то сильно заинтересует. Я покурю? – Отец распахнул окно и уселся на подоконник, мечтательно выпуская дым в узкий двор-колодец. – Девочки мои, – продолжал он, – вы никогда не думали, почему раньше состоятельные люди обязательно нанимали детям гувернанток? Когда у матерей было полно свободного времени? И замечу, чаще всего эти матери были хорошо образованными женщинами. А все дело в том, мои дорогие, что для хорошего воспитания нужны методичность и беспристрастность. Не выучил урок – получил линейкой по пальцам, солгал – остался без сладкого, не убрал свои вещи – провел вечер в углу. Отработанная система обязательных поощрений и неотвратимых наказаний наилучшим образом готовит ребенка к жизни. Это модель взрослого мира, в котором человеку придется так или иначе пожинать плоды своих поступков. – Он выкинул окурок и, поскольку рука освободилась, многозначительно поднял указательный палец. – А сейчас как? Ребенка воспитывает мать, и в лучшем случае процесс сводится к крикам и скандалам, причем непонятно, то ли мамаша хочет таким способом облагородить свое дитя, то ли просто сбрасывает негативную энергию. Главное, она поорет и перестанет, а человек на всю жизнь запомнит, что он врун, неряха, жестокий тип и так далее. Понимаете, ребенок испытывает жгучий интерес не только к внешнему, огромному и таинственному миру, но и к самому себе. Кто я? Какой я? – едва ли не важнейшие для него вопросы. Да что говорить, мы са-

ми моментально хватаемся за ручку, увидев в журнале психологический тест.

Мама украдкой зевнула, а Диана прислушалась. Вдруг у них с Володей будут дети? Надо знать, как их воспитывать.

– И тут мать, до определенного момента самый главный, самый любимый человек на свете, чье мнение, опять-таки до определенного момента, является непреложной истиной, вдруг говорит ребенку, что он неряха. Он в это верит! И действительно начинает считать себя неряхой. И делает вывод: зачем же я буду убирать свои игрушки, раз я все равно неряха? На самом деле воспитывать надо так: неряха ты или аккуратист, а содержать себя в порядке должен. Знаете, существует старый принцип – не переходить на личности. Его надо соблюдать и с детьми. Предметом обсуждения должен быть не сам человек, а его поступки. А постоянное унижение, бесконечные проповеди и негативный анализ личности ребенка потом становятся основой конфликта между родителями и детьми. Именно защищая свою самооценку, дети начинают считать родителей идиотами. А что им еще остается?

– Слушай, – не выдержала мама, – может, ты поспишь до начала смены?

– Что-то не хочется. Если сейчас лягу, вечером ты меня не добудишься. Лучше проверю сочинения.

Оставив родителей мирно проводить вечер за проверкой

тетрадей и вязанием шапок, Диана отправилась гулять с подружкой.

Женя была энергичной веселой девицей, злоупотреблявшей косметикой и пристрастной к курению. Ее мать, тетя Света, активно челночила, и наряды дочери могли служить рекламой бизнеса. Женька вечно напяливала на себя максимально возможное количество аляповатых турецких шмоток, так что рядом с ней Диана выглядела особенно стильно. Глаза постороннего наблюдателя, ослепленные рыночным великолепием, уже не могли заметить порыжевших швов Дианиного жакета и многочисленных аккуратно зашитых стрелок на колготках.

Озираясь, чтобы не попасться на глаза знакомым, подружки перелезли через забор детского сада и примостились на скамейке под грибком. Еще раз тщательно обзрели окрестности, и Женя достала из куртки пачку сигарет.

Уже спустилась бледно-сиреневая петербургская весенняя темнота, и никто из знакомых, проходя мимо, не разглядел бы их лиц, но девчонкам нравилось играть в конспирацию.

Прикурили. Женя ловко прятала горящую спичку от ветра в крышке коробка, Диана так не умела. Обе красиво зажали сигареты между указательным и средним пальцами, затянулись и медленно, картинно выдохнули дым, держа руки на отлете. Ежевечерняя сигарета – это был ритуал, репетиция взрослой жизни. Диане не очень нравилось курить, но

девчонки говорили, что она «красиво затягивается», поэтому она мечтала, чтобы Володя Стасов узрел ее в таком интересном виде.

– Слышала, Стасов собирается в мединститут? – спросила Женя.

– Правда? Откуда ты знаешь?

Глупый вопрос! Женя обладала нескончаемыми знаниями обо всех заметных людях школы, начиная с красивой математички и заканчивая третьеклассником Кулаковым, сыном малоизвестного рок-музыканта.

Диана всеми силами попыталась сохранить лениво-скучающий вид. Свою прекрасную тайну она хранила ото всех, тем более от Женьки, которая была не столько кладезем, сколько фонтаном полезных сведений. Но Володя был признанным кумиром школы, интересоваться его жизнью считалось даже престижным, и она еще раз повторила:

– Откуда ты знаешь?

– Танька Сологубова сказала. Она у мамы пуховик сегодня брала.

Сологубова, одноклассница Стасова, считалась самой красивой выпускницей школы, и Диана отчаянно ревновала его к ней. Но Женя говорила, что девушка знает себе цену и ориентируется как минимум на олигарха, а не на безмозглого футболиста. Диана была категорически не согласна с этим определением, но аргументированно опровергнуть его не могла: отсутствие общения лишало ее возможности лично

оценить умственные способности любимого. Впрочем, Со-
логубова была девушка не вредная и, приходя к тете Свете
за нарядами, охотно снабжала Женю сплетнями о школьной
аристократии.

– А куда ему еще рулить, если мама профессорша по пе-
ченкам, а папа – главврач? – резонно спросила Женя. – Не
в корабелку же.

От волнения Диана слишком глубоко затянулась и закаш-
лялась. Потом попросила у Жени новую сигарету и нарочито
небрежным тоном поинтересовалась, в какой именно меди-
цинский наточил лыжи Стасов.

– В первый, ясен перец! В академию идти – потом гемор-
рой из армии свинчивать, а в педиатричку вообще маразм.
Я бы скорее повесилась, чем детей лечить согласилась.

– Ну да. Мама говорит, что основное различие между пе-
диатрами и педофилами в том, что детей любят только пе-
дофилы, – как бы рассеянно произнесла Диана, хотя все ее
чувства были обострены.

Следовало абсолютно точно выяснить, куда поступает
Стасов. А вдруг в санитарно-гигиенический?

– Соображаешь? Туда же три дня на оленях! Что он, со-
всем идиот, при таких предках переться в отстойное заведе-
ние да еще на другом конце города? В первый он поступит,
точно тебе говорю.

Вот и отлично! А Диана подаст документы в училище при
первом медицинском. Тогда она сможет по-прежнему видеть

Володю каждый день, дышать с ним одним воздухом и, как знать, может быть, даже вместе проходить практику.

Она прислонилась к ножке деревянного грибка и глубоко вздохнула. Почему-то этим вечером стало неожиданно тепло, снег сошел, исчез, пока они обедали, под ним обнаружилась зеленая трава, и теперь казалось, будто зимы не было вовсе.

Да, точно так же, как снег, растает и ее несчастье! Володя разглядит ее и полюбит, нужно только быть с ним рядом.

Настроение резко подскочило, просто до эйфории, и Диана принялась вместе с Женькой хохотать над глупыми анекдотами.

Повеселившись, девчонки отправились по домам, проследив, чтобы от точки расставания до их домов было строго одинаковое расстояние.

Диана долго не могла уснуть, разгулявшееся воображение рисовало все более и более радужные картины. Хотелось вскочить с постели и немедленно бежать куда-то, что-то делать прямо сейчас, сию секунду, бороться за свое счастье...

Отец собирался на работу, родители хихикали за шкафом, и это тоже было предвестием счастья.

«А ты не думаешь, что я вместо разгрузки вагонов хожу к любовнице?» – спрашивал папа, а мама отвечала: «Мне было бы приятнее знать, что ты лежишь под теплым женским бочком, а не таскаешь на себе тяжеленные мешки».

«И у меня будет так же, – думала Диана. – Мы обязательно

поженимся и будем жить душа в душу, как мои родители. Я стану идеальной женой. Как говорит мама: чистый дом, вкусная еда и ласковая улыбка – что еще надо для счастья?»

Она ни секунды не колебалась.

Какая разница, что медицина никогда не привлекала ее, а учителя в один голос твердили, что у нее светлая голова и она обязательно должна получить высшее образование? И пусть ей самой хотелось быть историком, изучать Средние века. Почему-то этот мрачный период жизни человечества особенно притягивал Диану, она ощущала почти мистическую связь с временами Столетней войны, могла часами разглядывать гравюры, изображающие смешных людей с большими головами и неестественно вывернутыми ногами с огромных остроносых ботинках. Она научилась писать готическим шрифтом, как строгим, так и парадным, с завитушками, и даже вышила таким стилем свои инициалы на одной из блузок. А как ей нравились костелы, рыжие, кирпичные, похожие на языки костра... Наверное, от этого сходства произошло название «пламенеющая готика», – догадалась Диана. До вчерашнего дня она не сомневалась, что окончит одиннадцать классов и будет поступать на истфак, но положительно все Средневековье не стоило одного взгляда Володи Стасова.

Да и разве может она сидеть на шее у родителей еще семь лет? А после училища она найдет себе работу и поступит на

вечернее отделение туда, куда захочет. Если, конечно, к тому времени не родит Володе ребенка.

Домашние расстроились, особенно мама, не желающая дочери карьеры медика. В самом деле, разве любящие родители захотят, чтобы чадо набивало себе шишки на тех же ухабах, что они сами?

Но Диана была непоколебима. Чем раньше она получит профессию и начнет зарабатывать себе на хлеб, тем лучше.

Отец неуверенно возражал, что живут они не так уж и бедно и вполне могут дать ребенку высшее образование.

– Не пропадем! – беспечно заявляла мама. – Что-нибудь придумаем.

Диана их не слушала. Убедившись, что Володя принят в институт, она забрала документы из школы и поступила в училище.

Весь первый курс она вела активную шпионскую деятельность. Как бы невзначай заходила в деканат, выясняла расписание Володиной группы и каждый день находила предлог оказаться поблизости от нужной аудитории. Иногда она набиралась смелости и поднималась в анатомичку – большой зал, где студенты изучали устройство человеческого тела на наглядных пособиях и муляжах. На нее не обращали внимания, принимали за студентку. Если Диана заставала в анатомичке Володю, она садилась за несколько столов от него и, делая вид, что изучает строение мышц голени, жадно смот-

рела на любимое лицо. Попутно она ревниво разглядывала окружающих его девушек, и все они казались ей ослепительно красивыми. Как на подбор – стройные, длинноногие, с яркими глазами и пухлыми эротическими губами. Особенно раздражала одна, похожая на Анджелину Джоли, в ней Диана видела реальную угрозу своему счастью.

Однако Стасов ходил в компании парней, ни разу Диана не засекла его наедине с девушкой, и это вселяло надежду.

Ах, как она старалась следить за собой! Каждый день стирала и крахмалила сшитый матерью по выкройке из «Бурды» халат, по сорок минут тратила на прическу и лицо, отпаривала юбку и до зеркального блеска начищала обувь. Маникюр делать было запрещено, но Диана аккуратно подпиливала короткие ногти (слава богу, они были красивой формы) и покрывала их бесцветным лаком. Если бы она попалась Володе на глаза растрепанная или в несвежей одежде, тут же умерла бы от горя.

«Он увидит, какая я аккуратная и чисто плотная, и поймет: как я ухаживаю за собой, так же буду вести дом, – размышляла Диана. – Пусть я не крашусь, как Женька, зато он видит мой здоровый цвет лица, хорошие зубы и блестящие волосы. Это показатель здоровья, значит, я буду выносливой женой и хорошей матерью для его ребенка».

В свободное от слежки за Стасовым время она занималась хозяйством, пылко помогая матери готовить салаты из морковки, икру из свеклы и прочие дешевые, но вкусные и по-

лезные блюда. Яростно натирая овощи на мелкой терке или пропуская через мясорубку жилистое мясо, она представляла себя женой Володи, как будто она ждет его из института... Вот сейчас откроется дверь, он, невзирая на ее крики: «Куда ты в куртке на кухню!» – подойдет, обнимет, прижмется щекой к ее щеке и скажет: «Ты мое счастье!» А потом... Голова кружилась, когда она представляла, что будет потом, свекла выскользнула из рук, падала, оставляя рубиновые следы на истертом зеленом линолеуме...

Учеба как таковая совершенно не интересовала ее, несмотря на ясное понимание, что только красный диплом позволит поступить в институт. Может быть, Володя не захочет, чтобы его женой была простая медсестра? Но природная сообразительность и хорошая память позволяли Диане удерживаться в отличницах, несмотря на то что с момента поступления она не сделала самостоятельно ни одного домашнего задания. Все работы безмятежно сдувались на переменах, а рефераты или скачивались из Интернета, или передавались по наследству от старшекурсниц.

Летом отец сделал ей царский подарок – отправил в Крым к троюродному брату. Целый месяц Диана наслаждалась солнцем, купаниями и горными прогулками. Она помогала тетке по хозяйству, готовила, прибиралась, но все равно оставалась целая куча времени, чтобы бродить по дикому пляжу и мечтать о Володе.

В Крыму она почти не смотрелась в зеркало, поэтому, вернувшись в город, не узнала себя. Сошла детская пухлость, и проявилось точеное личико с прихотливо изогнутыми губами в форме, как говорили раньше, «лука амура». Волосы, выгорев на солнце, стали ослепительно золотистыми и вились на висках, создавая вокруг головы невесомый ореол. Примерив городскую одежду, Диана поняла, что на море она сантиметров на шесть похудела. Теперь из зеркала на нее смотрела стройная, длинноногая девушка с красивым свежим лицом.

Диана попыталась еще добавить себе красоты Женькиной косметикой, но девчонки быстро пришли к выводу, что краска только уродует ее от природы яркую внешность.

Зато Женька отдала ей свои мини-юбку и обтягивающий топ цвета морской волны, сказав, что в таком прикиде Диана легко затмит собою даже Таньку Сологубову.

Чтобы довести красоту подруги до совершенства, Женька предложила ей постричься, но Диана благоразумно отказалась, помня мамины наставления, что мужчинам нравятся длинные волосы.

Сама Женька тоже принарядилась. Чтобы не ударить в грязь лицом рядом с ослепительной подругой, она надела боножки на очень высоком каблуке, джинсы с вышивкой во всю попу и майку с огромными вырезами спереди и сзади.

Экипировавшись, подруги отправились по залитым солнцем летним улицам. Разглядывать витрины магазинов, ша-

таться по торговому центру и смеяться над всякой ерундой.

К вечеру, устав бродить по магазинам и хихикать, они зашли в кафе, взяли по стакану сока. Для Дианы это была серьезная трата, но она решила, что в честь возвращения из Крыма может позволить себе такую роскошь.

И тут в кафе вошел Володя Стасов!

Диана чуть не упала в обморок. Она еле смогла унять дрожь в руках и собрала всю свою волю, чтобы спокойно заговорить с Женькой.

Володя был с приятелем, которого Диана часто видела в мединституте. Парни взяли кофе и что-то алкогольное, постояли на пороге зала, а потом решительно двинулись к столику девушек.

– Можно к вам? – с улыбкой спросил Стасов, и Диана почувствовала, что умирает. Все переговоры она предоставила вести подруге.

Когда парни уселись, за столиком завязался обычный треп, в котором, как всегда, лидировала энергичная и остроумная Женька. При всей своей внешней аляповатости она обладала мощным зарядом позитивной энергии и легко могла увлечь собеседника.

А потом они разошлись: Диана со Стасовым, а Женька с его другом.

В жизни Дианы началась самая счастливая полоса.

Они встречались с Володей каждый день, гуляли по городу, катались на речном трамвайчике, а Диана не могла пове-

ритель, что все это на самом деле. Ей казалось, что она попала в какой-то фильм о любви, настолько то, что происходило с ней и Володей, было картинно-глянцево. Или счастье всегда кажется ненастоящим? – думала она, не в силах унять тревоги, что когда-нибудь ее романтическое приключение закончится, словно прекрасный сон.

Поэтому, когда Володя пригласил ее к себе, Диана восприняла это как погружение в реальную жизнь.

Стасов оказался сибаритом и процесс соблазнения невинной девушки провел по всем правилам. Новое постельное белье, приятная музыка, бокал сухого вина и непременно длинная тонкая сигарета.

«Шикарные у него привычки, – невольно отмечала Диана, разглядывая евростандартные интерьеры. – Вино такое, что в магазинах не каждый день увидишь, да и бокалы будь здоров сколько стоят. Вон какой у него ноутбук... Родители состоятельные, неизвестно, как они отнесутся к тому, что он приведет в дом нищую девицу. С другой стороны, через два года я уже буду зарабатывать. Немного, конечно, но достаточно, чтобы прокормиться, пока Володя не окончит институт. А какая-нибудь дочка богатых родителей ни копейки в дом не принесет, да и хозяйство вести не сумеет».

Диане казалось, что теперь их свадьба – дело решенное.

Сама постель не оставила в ней глубокого впечатления. Душа обмирала от восторга, от осознания исполнившейся мечты, но тело осталось холодным, того райского наслажде-

ния, о котором, закатывая глаза, говорили подружки, ей ощутить не удалось. Но какая разница, если Володя рядом? Вот он лежит, пристроив голову на ее плече, и другого рая ей не нужно.

Она мечтала о свадьбе, пусть небогатой, но радостной и светлой, о платье с кринолином и фате, и кольца ей хотелось обязательно широкие, может быть, даже с бриллиантами.

Занятия в институте еще не начались, и теперь она почти каждый день бывала дома у Володи.

Не получая особой радости от физической близости, Диана страстно желала ее при каждой встрече – ей казалось, что именно секс является главным доказательством Володиной любви. Если они не ложились в постель, Диана начинала тревожиться, уж не охладел ли к ней любимый.

Впрочем, спустя месяц любовного угара Диана так же мало знала о Стасове, как и в те времена, когда она могла только любоваться на него издали.

Они разговаривали мало, лишь для того, чтобы заполнить паузу между поцелуями. Диана даже не знала, какую Володя хочет выбрать врачебную специальность и чем интересуется помимо учебы. Также он никогда не говорил о том, что будет, когда они поженятся.

А потом случилась катастрофа.

Ощущая себя полноправной невестой, Диана пригласила Володю знакомиться с родителями.

Целый вечер накануне мама вылизывала и без того чистую

комнату, наводила в кухне нестерпимый блеск и пекла пирог с капустой. Папа вынул из шкафа костюм и долго выветривал из него запах нафталина.

Родители совещались, как будут выдавать дочку замуж. Они собирались приветить будущего зятя, кем бы он ни был. Раз понравился дочери, то заочно нравился и им. То, что Диане едва исполнилось семнадцать, их не смущало. Мама переживала, как они разместятся вчетвером в одной комнате, предлагала поставить дополнительные шкафы, но Диана была уверена, что они поселятся у Стасовых. Конечно, с родителями ей было бы лучше, но ведь у Володи своя комната...

Любимый не обманул ее ожиданий – он произвел на родителей отличное впечатление. Вечер прошел за светской беседой. Володя рассказывал случаи из студенческой жизни, делал комплименты маме, обсуждал с папой состояние дел в среднем специальном образовании. Диане оставалось только носить блюда из кухни да мыть тарелки.

«Спасибо за прекрасный вечер», – сказал Володя на прощание.

На следующий день он не позвонил. И через два дня тоже. На третий день Диана уже не находила себе места, то сидела возле телефона, то, наоборот, устав от невыносимого ожидания, уходила из дому, надеясь, что, когда она вернется, мама скажет: «Тебе звонил Володя».

Но телефон молчал. И тогда Диана позвонила сама. Скучающим тоном ее любимый сообщил, что занят, потому что

готовится к учебному году. «Я тебе позвоню, когда буду по-свободнее», – пообещал он, и эти якобы обнадеживающие слова похоронным звоном отозвались в Дианиных ушах.

Он больше не хочет ее видеть! Диана перебирала в уме каждое мгновение, проведенное вместе, и не понимала, чем обидела Володю.

Неужели он ее разлюбил???

Она вспоминала прогулку на теплоходе по Неве, как нежно Володя целовал ее, и думала: разве можно после этого разлюбить? Нет, он действительно готовится к учебе! Но за эти дни можно было уже купить тысячи учебников и тетрадей... И выкроить хоть час, чтобы увидеться с ней... Она не навязывается, нет, она понимает, что ему некогда теперь болтаться по киношкам: днем он занят в институте, а по вечерам дома его родители, в их присутствии в постель, конечно, не ляжешь. Но Диана могла бы поехать вместе с ним в библиотеку или купить ему тетради в канцелярском магазине. Или ему стыдно, что его девушка учится в медучилище?

Она истерзалась так, что похудела килограммов на десять, и на свет божий явились разные анатомические образования, обычно скрытые от посторонних взглядов, – мышелки локтевой кости, ребра... Под глазами образовались круги, и даже мама сокрушенно заметила: «Ты похожа на очковую змею».

«Лучше бы я умерла! – рыдала Диана, запершись в ванной и пустив воду. – Господи, зачем ты дал мне надежду и

радость? Чтобы тут же отобрать ее? Чтобы я лучше понимала, чего лишилась? За что? Что я сделала не так? Почему он ушел? Если бы я знала, что все кончится так плохо, я бы... А что – я бы? Моя жажда была так велика, что я пила бы из этой чаши, даже зная, что в ней растворен яд. Я все равно пошла бы с ним. Я ни за что бы не поверила, что он бросит меня. Я была слишком самоуверенна. Считала себя красивой, умной, доброй и так сильно любящей – разве может нормальный человек отказаться от такого сокровища? Теперь остается только утешать себя тем, что, раз Володя отказался, значит, он глуп. Но я ведь знаю, что это не так...»

Она не удержалась и снова позвонила ему.

Лучше бы она этого не делала! Сквозь зубы он процедил, что у них «нет перспектив», поэтому не стоит больше встречаться.

Она заплакала и услышала в ответ: «Я тебя не насиловал, сама дала».

Теперь целыми днями Диана лежала у себя в уголке за шкафом. В училище она не ходила: раз Володя ее бросил, какой смысл в учебе? Какая разница, что произойдет с ней дальше, если Стасова не будет рядом?

Мама достала справку о болезни, но срок ее действия уже истекал, и Диана с ужасом думала, что рано или поздно ей придется встать и выйти на улицу.

– Будешь чай? – Мама осторожно присела рядом с ней. – Я пирог с яблоками испекла.

Диана повернулась лицом к стене. Пирог с яблоками мог утешить ее в прошлой жизни, а сейчас от ласковой заботы становилось только хуже, и она почти ненавидела маму.

«У самой-то все в порядке – муж, дочка, любовь, а меня пытается утешить какими-то дурацкими пирогами!»

– Послушай, я, наверное, не вовремя, но все же скажу – ты рано пригласила его знакомиться с нами. Отпугнула. Нужно было дождаться, пока он сделает предложение и сам познакомит тебя со своими родителями. Извини за разбор полетов, но я говорю это для того, чтобы ты в следующий раз не сделала такой ошибки.

– Следующего раза не будет, – буркнула Диана в подушку.

– Ой, да ладно! Я знаю, сейчас тебе кажется, что весь мир провалился в тартарары и будущего нет. Глупо убеждать тебя в обратном. Но на самом деле хорошо, что так получилось. Он мальчик из богатой семьи, а мы кто? Ты думаешь, он подлец, а на самом деле просто хороший, послушный сын. Наверняка родители уже присмотрели ему подходящую невесту... Нет, хорошо, что вы не поженились. Знаешь, у всех без исключения мужчин есть одна общая черта: если позволить им сесть себе на шею, они обязательно это сделают. А ты бы позволила, потому что безумно любишь его и готова отдать все на свете, лишь бы он был с тобой. А его родители представили бы дело так, что они совершили великую милость, приняв тебя в свой круг. Запомни, Диана, главное условие счастливого брака – мужчина должен любить больше, чем

женщина. Именно он должен считать, что без нее ему свет не мил. Он должен быть готов на любые жертвы, чтобы она оказалась рядом.

Диана фыркнула.

– И не смейся! – грозно продолжала мама. – Ты думаешь, он оценил бы твои чувства и полюбил тебя только за то, что ты готова целовать землю под его ногами? Ничего подобного! Ни с кем люди не бывают так жестоки, как с теми, кто их любит. К тому же мужчина не прощает женщине слепого подчинения. Подсознательно он хочет, чтобы им руководили, удерживали от дурных поступков. А ты так смотрела на этого Стасова... Мне кажется, ты прощала бы ему все, даже измены. Вот мы, думаешь, почему так дружно живем с папой? Только потому, что он был влюблен, а я снисходила... Я вообще, если хочешь знать, любила другого человека, но вышла за твоего отца и очень с ним счастлива.

Диана продолжала лежать, по-прежнему не ела, но в ней совершалась тяжелая внутренняя работа. Душа ее умирала, и на пустом, выжженном пространстве рождалась совсем другая Диана. Ее мечты были безжалостно разбиты, а любовь... В самом деле, нужна ли она, существует ли на свете, раз даже мама не любила отца? Может быть, любовь – это просто морок, зверь-паразит, безжалостно пожирающий женские души?

...Она поднялась с кровати другим человеком.

Любовь придумана мужчинами, они насаждают в женских сердцах этот психоз, чтобы бедные девки теряли волю и служили бы им, как рабыни, исполняя любые мужские прихоти... Все эти книги, якобы великие шедевры, повествующие о великой любви, фильмы, песни – все это хорошо продуманная акция мужчин, чтобы свести женщину с ума и бесплатно получить у нее то, чего они никогда не добились бы, будь женщина в здравом рассудке.

Так вот, больше Диана не позволит себя дурачить! Она – красивая женщина, и теперь любовь будет *ее* оружием, с помощью которого она завоюет мир.

Она добьется своего. Она выйдет замуж за успешного и богатого человека и достигнет такого положения в обществе, какое Володе Стасову и не снилось!

И она начала действовать. «Действие» заключалось в том, что теперь вместе с Женькой они все свободное время шатались по новому торговому центру, глаза на удивительной красоты наряды и на шикарные машины, паркующиеся на стоянке.

Диане страстно хотелось все это иметь! Раньше, когда она грезилась Володей, мир материальных ценностей был для нее призрачным и ненужным, но теперь... Норковая шубка не обманет, а «Мерседес» не скажет: «Я тебя не насиловал». Вещи можно выбирать, а не ждать годами, когда они соизволят обратить на тебя внимание, снизойдут, а потом бросят. Если они у тебя есть, ими можно пользоваться, когда тебе за-

хочется.

Удачное замужество было единственным Дианиным шансом попасть в мир богатства и роскоши. К бизнесу у нее нет способностей, да и толку, если б были... Ни стартового капитала, ни нужных связей. А заработать честно, будучи медсестрой или даже историком... Смешно. Нет уж, раз бог дал ей красоту, она ею воспользуется.

Диана возобновила занятия в училище и ходила туда, то страстно желая встретить Володю, то, наоборот, опасаясь встречи. Она утроила усилия, чтобы хорошо выглядеть, в надежде, что Стасов увидит, какой она стала красивой, и тогда его любовь вспыхнет с новой силой.

Но он всего лишь равнодушно поздоровался с ней на ходу. А потом Диана стала замечать его в обществе толстой нагловатой девицы... Вскоре выяснилось, что это дочка проректора. Диана со своим средним специальным образованием не могла с ней конкурировать, равно как ее папа, обычный учитель, не мог сравниться с проректором мединститута.

«Ничего, дайте только срок, – мстительно думала она, – я найду себе такого мужа, по сравнению с которым проректор покажется грузчиком из овощного ларька. А потом устрою Володеньке веселую жизнь. Как граф Монте-Кристо».

И она рисовала себе сладостные картины мести.

Об изменениях в своих взглядах на жизнь Диана сообщила родителям.

– Деньги – всеобщий эквивалент стоимости. Если у муж-

чины нет денег, он ничего не стоит, – вот какие максимы теперь можно было от нее услышать.

Однажды отец не выдержал.

– Значит, ты считаешь, что оценивать человека следует только по его деньгам или положению в обществе? – спросил он обманчиво ласково.

– Ну да... – растерялась Диана, предвидя разнос.

– И это – единственно правильный подход к людям?

– Ну...

– Хорошо, пусть так. И ты одна такая умная, что додумалась до этого, или признаешь и за другими людьми право придерживаться такого же верного мировоззрения?

– Конечно, признаю.

– Вот и подумай в таком случае, чем *ты* можешь заинтересовать людей, когда *они* будут оценивать тебя по твоим деньгам и социальному статусу.

А действительно... Да, у нее хорошая фигура и красивое личико, но таких, как она, – пучок на пятачок. И не надо думать, что ее одну посетила свежая идея заарканить миллионера. Чем она может выделиться на перенасыщенном рынке невест?

Ответ пришел, когда она посмотрела телепередачу о своей тезке – недавно погибшей принцессе Диане. Аристократические манеры – вот ее ключ к успеху!

Диана накупила книг и видеокассет, посвященных несчастной принцессе, и начала работать над собой. Руко-

водство по этикету она тоже внимательно изучила, но главным было приобрести состояние естественной любезности, спокойной благожелательности и собственного достоинства. Научиться не просто пользоваться нужной вилкой во время званого обеда, а создавать у собеседника чувство комфорта, собственной значимости, показывать ему, что он тебе интересен. Ну, и конечно, не демонстрировать эмоций, сдержанность – залог успеха.

Недаром выпускницы Смольного института так высоко котировались на рынке невест, даже не имея приданого. Они удачно выходили замуж, потому что умели себя правильно вести.

Она часами ходила с палкой за спиной, приобретая осанку, приучала себя сидеть, не касаясь спинки стула, сомкнув и немного отведя в сторону колени, руки красиво складывала. Ела она теперь только по правилам, благо деликатные родители над ней не смеялись.

По сто раз пересматривая фильмы о принцессе, она перед зеркалом копировала ее улыбку, училась подавать руку с таким же доброжелательным достоинством... Бедная Женька измучилась сравнивать копию с оригиналом.

Другой вопрос, где блистать новообретенными манерами. Жизненные пути Дианы и олигархов никак не пересекались. Ходить в клубы? Допустим, она потратит всю свою месячную стипендию на единственное посещение клуба. Только правильно ли она распорядится средствами? Ведь всякому

понятно, зачем девушка приходит одна в клуб. Действовать нужно наверняка, у нее будет всего одна попытка. Клубная тусовка знает все обо всех, и в итоге можно превратиться хуже чем в проститутку – в женщину, отдающуюся мужчинам ради призрачных обещаний жениться.

Может быть, устроиться медсестрой в элитную клинику и найти богатого жениха среди пациентов?

Поставив такую цель, Диана осуществила только первую ее часть. По окончании училища ей удалось получить работу в частной клинике, но она быстро поняла несбыточность своих надежд. Средний персонал там за людей не считался независимо от манер. Нет, пациенты не грубили, часто совали в карман халата денежку за ловко сделанный укол, но не более того. Впрочем, клиника скоро прогорела, и Диане пришлось искать убежище под крылом государственного здравоохранения.

Дважды она пыталась поступить на исторический факультет, но безуспешно. Потом, раздраженная неудачами, подала документы в медицинский институт, но даже квота для медработников среднего звена не помогла ей. О платном обучении, разумеется, не могло быть и речи.

В общем, жизнь не удалась. Одинокая женщина, обреченная всю жизнь работать медсестрой, – кажется, именно такое будущее ей предстояло.

Нет, ухажеры у нее были. Молодые доктора охотно подбивали клинья к красивой сестричке, но связываться с ни-

ми только затем, чтобы услышать потом: «Я тебя не насилывал...» Ну уж нет! Приобретя в больнице репутацию недоτροги, Диана очень ею дорожила.

Впрочем, и гипотетическому богатому жениху она не собиралась отдаваться до свадьбы. Ведь раньше считалось, что девственность – главное сокровище девушки. Да, она отдала свое сокровище даром, но об этом никто не знает...

Мама очень переживала, что в двадцать пять лет Диана еще не замужем. Убеждала не ждать принца, а поискать спутника жизни в своей среде. «Жизнь женщины в поисках мужа, – говорила она, – делится на три стадии: до двадцати лет – только он, и больше никто, от двадцати до тридцати – все равно кто, лишь бы богатый и успешный, а после тридцати – хоть кто-нибудь...»

Диана, понимая, что ее шансы на успех тают с каждым годом, все же не готова была похоронить идею о богатой жизни с помощью замужества. Она продолжала искать.

Вместе с Женькой они ходили по театрам и музеям, подолгу гуляли в парках – все безрезультатно. Потом Женька, отчаявшись, выскочила замуж за милиционера. Ей стало некогда гулять с подругой, и теперь для общения Диане остались только родители и товарищи по работе.

«Вот он, мой олигарх! – решила она, глядя на пациента, которого недалёковидные доктора определили в бомжи. – Очень хорошо, что его считают бомжом, я сделаю вид, что

тоже так думаю. Но я стану вести себя с ним очень внимательно, будто бы я вообще такая милосердная. Ну и с другими пациентами тоже, пусть видит».

Глава 3

Новый пациент выходил из наркоза без дрожи, рвот и неконтролируемого потока сознания, что говорило о его здоровом организме.

– Как вы себя чувствуете? – с улыбкой спросила Диана, когда он открыл глаза. – Давайте смочим губы.

Она аккуратно провела по рту мужчины влажным марлевым тампоном. Пациент благодарно прикрыл веки. Улыбаться и говорить он еще не мог.

Диана поправила сползшее одеяло. Заодно она проверила и остальных больных на своем посту, чтобы пациент не подумал, будто ею движет нечто большее, чем высокий профессионализм и человеческая доброта.

Вообще-то она и без того была ответственной сестрой. Никогда не уходила с поста, не убедившись, что кто-то присматривает за больными. Всегда знала показатели гемодинамики и результаты анализов пациентов, скрупулезно выполняла назначения и вежливо вела себя с больными. Покидая реанимационное отделение, пациенты обычно благодарили ее. Свои безупречные манеры Диана использовала в общении с врачами и другими сотрудниками, поэтому коллеги ее тоже любили. И теперь ей не пришлось особенно менять стиль поведения, нужно было лишь добавить капельку доброжелательного внимания и нежности...

Около двенадцати она сняла специальные ремни с рук и ног мужчины.

– Обещаете, что чертей ловить не будете? – спросила она, лукаво улыбнувшись. – Я нарушаю инструкции, развязывая вас.

Пациент помотал головой из стороны в сторону. Диане было ясно, что белая горячка его не посетит, но вопрос должен был показать, что она считает его таким же опустившимся алкоголиком, как и остальные.

– Сейчас уже поздно, отдыхайте. Я сделала вам обезболивающий укол. А завтра, если хотите, я позвоню вашим родным, сообщу, где вы находитесь. Спокойной ночи.

Ответом ей был благодарный и заинтересованный взгляд. Кажется, клюнуло!

Диана подошла к зеркалу, поправила воротничок халата и прическу. Шапочку она надевала только в тех случаях, когда делала инъекции и ассистировала на перевязках, в остальное время заплетала свои густые длинные волосы во французскую косу – очень девическая прическа, подчеркивающая молодость и чистоту.

Вглядевшись в зеркало, она остро пожалела, что не научилась использовать свое красивое тело, вызывая в мужчинах эротические мечты. Как это – показать грудь в вырезе блузки, мелькнуть коленкой или бедром, прижаться на мгновение теплым упругим боком? Такие ухищрения всегда казались ей невыносимо пошлыми. А зря! Сейчас они бы ей

очень пригодились...

На следующее утро пациент, с трудом выговаривая слова, признался, что ему некому сообщить о своем бедственном положении, и Диана слегка разочаровалась. Вдруг он на самом деле бомж? У нормальных людей всегда есть к кому обратиться в тяжелой ситуации. А может, он просто не хочет, чтоб его видели в таком состоянии? Значит, не женат, уж же не обязательно сообщил бы...

На радостях она покормила его завтраком с ложки, очень аккуратно, чтобы не потревожить большую щеку и губу. Слава богу, она работает на посту каждый день, Лада обещала продержаться минимум три дня, и за это время... А может быть, она пожалеет его и оставит на целую неделю, понимая, что на отделении о нем никто заботиться не будет. Диана знала, что хорошие врачи привязываются к пациентам, особенно к тем, в которых вложили много труда...

С хрустом потягиваясь, в комнату дежурных вошел Колдунов.

– Вызываете на консультацию? – грозно спросил он у Лады. – А где стакан, где рюмка с бутербродом?

– Не волнуйтесь, детки, дайте только срок. Будет вам и белка, будет и свисток. – Из шкафа показалась сначала обширная попа, а потом и вся Лада Николаевна целиком. В руках она держала плечики с уличной одеждой – рабочий день уже закончился. – Посмотрите ножки у бабушки?

– Девятая койка? Я и так могу сказать, не глядя: атеросклероз, критическая ишемия, но ампутировать еще рано.

Лада рассмеялась:

– Уважаемый Холмс, каким образом?! Ну, про атеросклероз понятно, но как вы догадались, что ампутировать еще рано?

– Элементарно, Ватсон. Я сегодня иду на барщину, отрабатывать полставки главного хирурга, и просто не успею прооперировать. До завтра ничего с бабушкой не случится, думаю. Так где рюмка с бутербродом?

– Можем у меня пообедать. Диана, ты с нами пойдешь?

– С удовольствием.

У Лады Николаевны любили бывать все. Она жила через дорогу от больницы и часто приглашала сотрудников обедать и пить кофе. Это было хлебосольство одинокого человека. Раз нет детей, мужа, то есть людей, которых надо кормить обязательно, Лада заботилась обо всех понемножку.

Воодушевленный идеей внепланового обеда, Колдунов мчался чуть ли не впереди хозяйки. Уходя из дома в семь утра, он возвращался поздно вечером, в десятом, а то и в одиннадцатом часу. Съедал, конечно, столовский обед, но разве он мог сравниться с домашним?

Квартира Лады Николаевны была под стать хозяйке и поражала старомодным купеческим великолепием. Массивные полированные буфеты, ломящиеся от хрустальной посуды,

ковры на полах и стенах, тяжелые портьеры... И все вычищено, натерто до блеска. В просторной кухне – овальный дубовый стол.

Пахнуло лавандой – это хозяйка открыла ящик буфета, где хранила столовое полотно, аккуратно свернутое в ровные одинаковые колбаски.

Лада Николаевна постелила скрипящую от крахмала белоснежную скатерть и стала накрывать.

– Лепота у тебя, Ладушка, – Колдунов развалился на стуле, – чистота, порядок, любо-дорого смотреть. Только знаешь, чего твоему дому катастрофически не хватает? Чтобы кто-нибудь разбрасывал тут свои носки. Нужно тебя срочно замуж выдать.

– Я бы и сама вышла, если бы кто позвал, – спокойно откликнулась Лада Николаевна и зажгла газ под внушительной алюминиевой кастрюленцией со сверкающими боками. По кухне поплыл аромат борща, и Диане ужасно захотелось есть.

– Наливочка, – соблазнительно улыбнулась Лада, показывая гостям пирамидальной формы графин, заполненный густой рубиновой жидкостью.

– К борщу? – изумился Колдунов. – А на десерт пива с пряниками предложишь?

Тут же на свет божий появилась запотевшая бутылка дорогой водки.

Ах, как все было красиво: и скатерть белее снега, и тарел-

ки с кобальтовыми ободками, и селедочница с серебристыми кусочками, густо посыпанными зеленым луком.

Диана взяла тяжелую серебряную вилку с фигурной ручкой и длинными зубами и нацелилась на блюдо с домашней бужениной.

– Еще котлеты и компот, – предупредила хозяйка и включила телевизор.

Шел повтор программы, делавшей рейтинг на скандалах, Диана такие не любила. Она хотела сказать, что скоро начнется ее любимый сериал, но прислушалась и поняла, что речь идет о врачах.

– Полюбопытствуем. – Колдунов отправил в рот насаженный на вилку кусок селедки.

Выступал кардиохирург с мировым именем, напротив него стояла полная дама с красивым, но высокомерно-капризным лицом. Камера то и дело фокусировалась на нижней части ее фигуры, обтянутой джинсами. Вид был завораживающим и напоминал монументальную архитектуру сталинской эпохи.

– Да потому что наши врачи – олухи царя небесного! – раздраженно выговаривала дама. – Ничего не знают и знать не хотят. Вы говорите – курсы, семинары, а им ничего этого не надо, как лечили аспирином, так и будут. Вот у меня ребенок – десять врачей говорили, что ему нужно удалить аденоиды, и только одиннадцатый сказал, что нужно не аденоиды удалять, а исправлять искривленную носовую перегородку!

Кардиохирург защищался вяло и незаинтересованно. Диана подумала, что он, наверное, хотел бы рассказать о бедственном положении в здравоохранении, а вовсе не отбивать нападки некомпетентной женщины.

– У наших врачей все мысли только о том, как бы заработать денег! – продолжала та. – Если не сунешь конверт, с тобой даже разговаривать не станут. Но, даже взяв деньги, все равно окажут помощь на самом примитивном уровне. А все эти якобы ошибки, которые на самом деле преступления!..

– Я тоже не понимаю, – вмешался ведущий, – почему врачи, совершающие серьезнейшие ошибки, выходят сухими из воды. Таких надо карать беспощадно! Лишать дипломов, сажать в тюрьму. Каждый врач должен знать, что за ошибку его ждет неминуемое наказание!

– Но человеку свойственно ошибаться, – мягко заметил кардиохирург. – Нужно четко разграничивать, почему врач совершил ошибку: по злему умыслу, по халатности или же он добросовестно заблуждался из-за нетипичной симптоматики.

– Наши врачи думают только о своих гонорарах, – бесцеремонно перебила дама. – Отсюда все их ошибки. А ведь врач – это абсолютно святая, понимаете, святая профессия!

– Меня сейчас стошнит, – сказала Лада и выключила телевизор.

Колдунов выпил рюмку водки, закусил огурчиком и тяжело вздохнул:

– Что тут скажешь? Бедный академик, на кой хрен он поперся участвовать в балагане? Сидел бы дома лучше. А так он только всех раздражает. Как же, мировая звезда, причем заработал популярность не трепотней, а настоящим, благородным, святым, как они изволят выражаться, делом – жизни человеческие спасает! Конечно, надо его заклевать, грязью обмазать. Как она там сказала – олухи царя небесного? Невежливо вообще-то.

Лада задумчиво возила ложкой в тарелке с борщом, размешивая сметану.

– А зачем, интересно, она искала одиннадцатого врача? Ладно, я понимаю, два, ну, три... Даже странно. Все в один голос говорят, что надо удалять, а она, вместо того чтобы последовать совету, ищет врача, который подтвердит ее личное мнение. Только это оказался не самый компетентный, а самый слабохарактерный врач.

– Я тоже так думаю, – согласился Колдунов, прожевав. – Этот самый одиннадцатый врач просто ошалел от ее напора. Тем более, я допускаю, что, пока они таскались по первым десяти, у ребенка от аденоидов действительно искривилась носовая перегородка.

Тут ему на колени тяжело запрыгнул Ладин кот Саблезуб. Животное мявкнуло и положило голову на стол – потребовало еды.

– Ну и котяра! – Ян почесал Саблезубу загривок. – Рыжий, как пожар, и здоровенный какой! Просто нечеловече-

ских размеров!

– Кот и не должен быть человеческих размеров. Дай ему кусок буженины, и он моментально отстанет. Саблик, не мешай человеку есть. – Лада махнула коту рукой, и он послушно спрыгнул на пол, унося в зубах добрый ломоть буженины. – А ты, Ян, налей еще по одной.

Разумеется, эту просьбу не пришлось повторять дважды.

Когда они выпили и закусили, раскрасневшаяся Лада отставила тарелку и грустно сказала:

– Сейчас по телевизору постоянно ругают врачей. Может, у них заказ такой? Ведь положение дел в нашем здравоохранении ужасно, но нельзя же, чтобы народ винил в этом правительство. Пусть лучше думает – во всем виноваты рядовые врачи! Не потому у нас такой низкий уровень медицинской помощи, что наши чиновники на медицину выделяют мало денег, а те, что выделяют, сами и разворовывают, а потому, что доктора – жадные недоумки, хотя должны быть святыми.

– «Абсолютно святая профессия», – с усмешкой процитировал Колдунов. – Давненько я не слышал такой нелепицы. Во-первых, святость – уже абсолютная категория. Нельзя быть немножко святым так же, как немножко беременным. Во-вторых, как может быть святой профессия? Святым может быть человек, место, эти, как их, мощи... Еще бывает священный долг! Ну ладно, не будем придираться к стилю... Все равно она имела право говорить такие слова, только если бы сама выбрала для себя врачебную профессию: я, мол, хо-

чу достичь святости, буду помогать людям бескорыстно, не щадя сил и здоровья... Я бы понял. Но почему, черт возьми, она навязывает святость мне? С какой радости она решила, что я должен быть святым? Потрясать укоризненно пальчиками в телевизоре может каждый, думаю, я тоже справился бы на ее месте, а вот она бы на моем вряд ли оказалась полезной.

– Успокойся, Ян. – Лада Николаевна положила ему на тарелку еще кусок буженины. – Не порти себе аппетит.

Но не тут-то было! Колдунов уже завелся.

– Знаешь, такие выступления напоминают идеологию сталинских времен, да-да! Людей заставляли работать почти бесплатно в опасных для жизни условиях, прикрываясь пафосными лозунгами. Надо, допустим, построить ДнепрогЭС. Зачем выделять из бюджета деньги, составлять нормальную смету, думать, как эти деньги тратить, натирать себе мозоли на мозжечке? Лучше задурить головы ста тысячам человек, зомбировать их идеями о победе коммунизма, и они прекрасно все сделают за миску похлебки и почетную грамоту. Теперь то же самое. Внедряют в народные массы лозунг: врач – святая профессия, и привет! Денег мы с тобой, Лада Николаевна, больше не увидим. – Он достал сигареты и нерешительно посмотрел на хозяйку.

– Кури на здоровье. Давай уж и я составлю тебе компанию.

Они задымили, а Диана, как самая младшая и некурящая, поднялась убрать со стола.

Колдунов между тем все не унимался.

– Ладно, раз вы нас записываете в святые, – говорил он, затыкаясь сигаретой, – сделайте следующий шаг. Наложите на нас обет безбрачия, как в Средние века, когда большинство врачей были монахи. Чтобы у нас не болела голова о том, как прокормить семью. Чтоб мы не думали, что жене давно нужно купить зимнее пальто, детям – ботинки и коньки, чем платить за музыкальную школу и так далее. А у врачей женского пола чтобы не болела голова, как организовать питание семьи из расчета пятьдесят рублей в день на человека! Мне жена недавно призналась, что на полном серьезе размышляет в магазине, какие пряники брать – с вареной сгущенкой, как мы любим, но по двадцать два рубля, или шоколадные, зато по шестнадцать. Понимаешь, разница в шесть рублей заставляет ее серьезно задуматься!

Лада Николаевна нерешительно замерла с вазочкой дорогих конфет в руках – не будет ли с ее стороны бестактно выставлять их на стол после колдуновских откровений. Подумав, она скромно поставила вазочку в конце стола.

Прислушиваясь к разговору врачей, Диана составила грязную посуду в мойку и включила воду. Как и все сотрудники больницы, она очень уважала Колдунова, но ей и в голову не приходило, в какой бедности он живет. Ведь он профессор! Она знала, что у него много детей – то ли четверо, то ли пятеро, точно она не помнила, – причем некоторые из них приемные. И все живут на одну зарплату Яна Александровича.

вича. Да ведь колдуновская семья еще беднее ее собственной! С тех пор как Диана начала зарабатывать, пусть и очень скромно, семейству Кутеповых стало полегче.

Она вспомнила о псевдобомже. Если ее план удастся, она навсегда выберется из бедности. Ради этого стоит постараться!..

– Не знаю, хороший я врач или так себе, – продолжал разглагольствовать Колдунов, – но, не напрягаясь, могу вспомнить минимум сто случаев, когда пациент выжил только благодаря моему своевременному вмешательству. Короче, я приношу пользу если не обществу, то, во всяком случае, отдельным его членам. Так? И за это я прошу очень немного: не надо мне яхт за сто миллионов долларов, футбольных клубов и элитных девочек. В гробу я это все видал! Но дайте мне жить с женой и приживать с ней детей! Вы же знаете, у нас недавно дочка родилась. Ей уже месяц скоро, а я ее еще толком не видел. Я же работаю на трех работах! Один раз только помогал Кате ее купать, но такой был уставший, что почти ничего не помню. Другой раз думаю: надо дать жене выспаться, вот ребенок заплачет, я первый проснусь и укачаю. Но как упаду в кровать, так до самого будильника ни на что не реагирую.

Лада встала из-за стола, чтобы заварить чай, и они с Дианой переглянулись. Все сотрудники больницы считали, что незачем плодить детей в таких астрономических количествах.

По кухне поплыл тонкий аромат бергамота. Хозяйка достала наливку и серебряные рюмочки размером с наперсток.

– Может, не надо? – засомневался Колдунов и блаженно потянулся. – Меня разморило, а мне ведь еще работать и работать... Да, не буду, пожалуй. Так вот, я о детях, – вернулся он к своей теме. – Наше общество благосклонно примет ребенка какого-нибудь олигарха или чиновника, который славен только тем, что спер у этого общества круглую сумму, а мои дети еще неизвестно, смогут ли получить высшее образование. Почему, спрашивается? Можно, конечно, сказать: Колдунов взяточник, он берет деньги за операции. Да, беру, но только если мне предлагают. А уж по экстренной помощи – никогда. Поэтому и работаю в трех местах, как идиот. Если бы я брал так, как они думают в телевизоре, то сидел бы у себя в академии, и на фиг мне тут ночные дежурства сдались!

Женщины выпили за здоровье Колдунова по наперстку наливки и с жаром стали уверять его, что более щепетильного и честного врача земля еще не носила.

– Так вот почему, если я врач, мои дети должны работать на заводе, а если я вор, то им открыты все дороги?

Лада Николаевна развела руками – вопрос был чисто риторическим.

– В телевизоре говорят: кем бы ты ни был, нужно добросовестно и честно выполнять свои обязанности. – Бросив взгляд на настенные часы с кукушкой, Колдунов вздохнул, но не остановился: – Так вот я думаю, что теперь у нас в стра-

не это касается только врачей. Вот пример из моей жизни: недавно умерла старушка, которую мы с Катей считали своей родственницей, и оставила нам квартиру. Мы расселили нашу коммуналку, теперь у нас большая отдельная квартира. Правда, пришлось еще мою однокомнатную продать, ну да дело того стоило. Впрочем, я не об этом. Катя говорит: евро-стандарт мы, конечно, не потянем, но давай хоть небольшой ремонт в ванной и туалете сделаем. Трубы хотя бы поменяем, а то достало уже все. Ладно, говорю, делай. – Ян Александрович энергично подул в свою чашку и выпил половину за один глоток. – Сначала Катя пошла в ЖЭК и написала там заявление, но ей сразу сказали: замена труб только за свой счет. Тогда она нашла мастеров по газете, они приехали и потребовали перекрыть стояк, чтобы врезать новый кран. Пришлось вызывать сантехника из того же самого ЖЭКа. Он на десять минут перекрыл стояк и попросил за это двести рублей.

Лада Николаевна сочувственно покачала головой. Диана закончила с посудой и тоже присела за стол, сделав вид, что рассказ о ремонте очень ее заинтересовал.

– Но это только присказка, сказка впереди, – пообещал Ян Александрович. – Врезав кран, мастера бодро разрушили нам все остальное и пропали на три дня. Мы жили, как в деревне, холодная вода была только в кухне, и под раковиной у нас стояло ведро, в которое она стекала. Когда ведро наполнялось, мы сливали его в дырку в полу, заменявшую нам

унитаз. Катя по сто раз на дню звонила этим мастерам, а они кормили ее байками, что не могут найти какой-то там детали! Якобы все магазины города они уже объездили, и нигде нет. Причем видят, сволочи, женщина беременная, с ребятишками, мужа вроде бы и нету, я же на работе целыми днями. . . Но ее беспомощность вызвала у них желание напарить, а не помочь. На четвертый день приехали, немного поковырялись, взяли половину гонорара в виде аванса, поехали покупать смесители и пропали еще на неделю. Катя звонит, а они то заболели, то в аварию попали, то еще что-то! Потом приперлись, разрушили нам стены, взяли еще денег якобы на покупку деталей и свалили уже навсегда. Тут же выяснилось, что система труб, которую они накрутили, не только плохо смонтирована, но в принципе неверна, пользоваться ею невозможно. В общей сложности мы влетели на двадцать тысяч. Катя им звонила, просила вернуть хотя бы те деньги, что они взяли на покупку деталей, но они сменили номер мобильного, и теперь с ними не связаться.

– Кошмар какой-то! – поежилась Лада.

Диана тоже вздохнула сочувственно.

– Конечно, я хотел найти их да морду набить, но Катя говорит: вот ты и сядешь в итоге в тюрьму за хулиганство, а они будут выглядеть невинными жертвами. Я говорю: пошли тогда в полицию, так это оставлять нельзя. Мы пришли, а менты нам говорят: вам делать нечего? Забудьте и наймите нормальных мастеров. Катя им: мы в полицию пришли или

в бюро добрых советов? Очень недовольные, они приняли у нас заявление и быстренько настрочили официальный ответ: мол, в действиях сантехников нет состава преступления, если у вас претензии к их работе, идите к мировому судье. Катя пошла, там ей говорят: готовьте документы, а какие документы и как их готовить, мы вам не скажем, поскольку консультативные услуги не оказываем. Идите к адвокату, пусть он занимается вашим делом.

– А чего ты хотел, Ян? – вздохнула Лада Николаевна.

– Я просто описываю ситуацию: ни сантехники, ни полицейские, ни мировой судья не захотели нам помочь. Ведь как жило человечество до изобретения денег? Вот, например, я первобытный врач, ты, Диана, приходишь ко мне и просишь вылечить тебя от укуса мамонта. Я вылечиваю, а потом прошу тебя заштопать мне шкуру саблезубого тигра. Ты говоришь: не буду я ничего штопать, пошел на фиг. Я это запоминаю, и в следующий раз, когда тебя кусает мамонт, ты остаешься без помощи. Люди обменивались услугами, потому что это было выгодно всем. То есть я, вылечив полицейского, мог рассчитывать, что он меня защитит, вылечив сантехника – что он поставит мне нормальные трубы, вылечив пекаря – что он испечет для меня вкусные булочки... Ну и так далее. И это было справедливо! А теперь наш народ, кажется, озабочен одной мыслью – как бы содрать с человека побольше денег и при этом ничего для него не сделать. Но почему мы, врачи, должны быть исключением?

– Сам знаешь почему, – ворчливо сказала Лада Николаевна. – А вот тебе вопрос на сообразительность: кто никогда не платит докторам?

– Чиновники, – без запинки ответил Колдунов.

– Ну, от этих все-таки удается иногда дожидаться... Но никогда, ни при каких обстоятельствах не платят менты, включая гаишников. Самая честная и неподкупная часть населения.

– Совесть нации, – буркнул Колдунов, поднимаясь из-за стола. – Спасибо, Ладушка Николаевна, побегу. И так уже опаздываю. А вообще... Пусть государство платит мне гроши, и пусть в телевизоре меня обзывают олухом царя небесного. Ради бога. Я все равно счастлив, пока рядом со мной жена. Есть Катя с детьми, я трудоспособен, чего еще желать?

Он ушел, следом за ним стала прощаться и Диана.

На улице у нее все не шли из головы речи Колдунова. Может быть, ей тоже стать кому-нибудь такой же верной подружкой, как его жена? Рожать детей без перерыва, экономить на еде... Однажды она видела Катю Колдунову – замученная сорокалетняя тетка, как говорится, со следами былой красоты. Она могла бы шикарно выглядеть, будь у нее деньги и время ухаживать за собой. Да уж, вот оно – счастье! Вести дом на гроши и делать вид, что ты безумно любишь человека, который тебе эти гроши приносит. Конечно, Ян Александрович счастлив, почему бы и нет? Мужчины вообще лег-

че переносят бедность и бытовые неустройства. Еда ему всегда готова, жена встречает ласково... Но кто знает, не тратит ли она на такую жизнь все отпущенные ей природой запасы сдержанности?

Любовь? Возможно, она и была, но не испарилась ли в размышлениях о том, как содержать кучу народу на зарплату бюджетника? О чем Катя думает на самом деле, нежно обнимая мужа? С пятью детьми ей от него никуда не деться, а перевоспитывать его уже поздно... Она понимает это и, добрая женщина, не хочет лишний раз трепать ему нервы. Но что она испытывает, видя, что любая тетка на улице одета лучше ее? Не страдает ли? Мечтает ли Катя о норковой шубе, зная, что носить ее никогда не будет?

Нет, Диана не готова отказаться от красивых и дорогих вещей. Без тонких шелковистых чулок с широкой кружевной резинкой, без дорогих духов, без загородного дома с камином и дубовыми панелями в холле она будет очень несчастна!..

Она поймала свое отражение в витрине парфюмерного магазина: красивая стройная девушка, одетая с европейской небрежностью. Классический стиль, столь любимый ею, пришлось оставить – в нем слишком бросается в глаза любая дешевка. Юбка и даже жакетик, если хорошо сидят, могут обмануть невзыскательный мужской взгляд, но вот обувь... Сапоги эконом-класса безжалостно подчеркивают скромный достаток и убивают всю строгую элегантность образа. Ника-

кие шарфики и поясочки не спасают, особенно если в руках у тебя сумочка из кожнозамениителя. Поэтому в последнее время Диана одевалась в спортивном стиле. Джинсы и курточка в талию прекрасно смотрелись на ее подтянутой фигуре, а набор шапка – шарф – перчатки – гетры, связанный мамой, придавал облику оригинальность и изысканность. К тому же гетрами маскировались недорогие кроссовки.

Она зашла в парфюмерный и принялась нюхать духи, выбирая самые дорогие, к которым раньше даже не смела подходить. Интуиция подсказывала ей: скоро она сможет выбрать себе любой парфюм... Дело, кажется, идет на лад. Сегодня она перевязывала больного, и он смотрел на нее не просто с благодарностью за аккуратную работу. В его глазах она явственно видела искорку мужского интереса. Что ж, ей удалось вполне натурально смутиться. Потом она долго сидела на посту, снимала назначения, а он со своей койки неотрывно наблюдал за ней, но быстро отводил взгляд, когда она поднимала голову.

Она ему нравится, это несомненно. Но как сделать, чтобы он захотел к ней вернуться, после того как выпишется из больницы? Сейчас ему нечем заняться, вот он и пялится на красивую медсестру, а потом вернется в свой мир, в свои дела... Может, скажет мимоходом друзьям, что в реанимации за ним ухаживала симпатичная и ловкая девушка, вот и все... Так что же ей делать?

На следующий день Диана принесла своему подопечному

несколько книжек: если она не слишком ему интересна, он займется чтением. Но нет, она все время ловила на себе его взгляды, бросаемые поверх страниц...

А через три дня он выписался, прямо из реанимации – домой. Диана с Ладой Николаевной уговаривали его полежать еще пару деньков, но он отказался, сославшись на важные дела.

Теперь оставалось только ждать. Конечно, он назвал свое имя и адрес, но, во-первых, мог и соврать, а во-вторых... Не будет же Диана сама звонить ему! А ходить под его окнами, надеясь на встречу, просто глупо. Черт, если он сорвется с крючка, это будет так обидно!

То ли виноват был яркий зимний денек, то ли просто хорошее настроение, но Диана вдруг подумала – не сорвется, придет обязательно...

В голове возникали упоительные картинки: она в собственном загородном доме, она за рулем шикарной, но практичной иномарки...

Странно, но, грезя о материальных благах, которые принесет с собой предполагаемое замужество, Диана ни разу не задумалась о своем избраннике. Он витал где-то на окраине ее сознания, и теперь она даже не могла толком вспомнить его лицо. Какой у него характер? – иногда задумывалась она и тут же обрывала себя: «Не важно, я же не собираюсь в него влюбляться. Мое умение держать себя в руках поможет мне

ужиться даже с самым тяжелым человеком. Главное, чтобы он давал мне деньги. Как там говорит мама – ласковая улыбка, чистый дом и вкусная еда? Этим пакетом услуг я его как-нибудь обеспечу. Я буду очень хорошей женой».

И Диана представила себя – с прямой спиной, свежая, в светлом утреннем платье, она наливает мужу чай, ласково улыбаясь. Но лицо мужа по-прежнему оставалось в тени.

Глава 4

Дом встретил унылой пустотой.

Розенберг вздохнул – он еще не привык, что его никто не встречает, – прошел на кухню и зарядил кофемашину.

На втором этаже хлопнула дверь, легкие шаги быстро застучали по ступенькам, и ему на шею бросилась зареванная Мила.

– Где же ты был столько времени? Что, нельзя было сообщить?

Он опустил на стул, выдвинул ящик буфета и достал свою любимую трубку.

– Извини. Не хотел тебя беспокоить.

– Беспокоить? Да я просто извелась! В полиции была, все справочные больниц обзвонила...

Розенберг взял ее за руку.

– Я не думал, что ты так быстро обнаружишь мое отсутствие. Я, правда, не хотел тебя волновать. Пошел ночью в магазин и нарвался на наркоманов, только и всего. Полежал в канаве, потом добрые люди подобрали и отвезли в больничку, где меня превосходным образом починили. Волноваться не о чем, как видишь.

Мила всхлипнула и села рядом с ним.

– Я уж думала, что больше тебя не увижу... Единственная надежда оставалась, что ты у какой-нибудь девушки.

Розенберг улыбнулся:

– Девушка там была, да... Ножки славные... Ласковая сестричка, даже удивительно, я и не думал, что такие бывают. Они же все там решили, что я бомж, но ухаживали, как за королем. Нужно будет поехать отблагодарить их как следует. Ну все, хватит грустить... Или ты мне не рада?

– Да ты что? Я от радости чуть с ума не сошла, когда услышала, что ты вернулся!

– Тогда давай съездим суши поедим? Звони своему сеньору Помидору, скажи, отец устраивает пир по поводу чудесного воскрешения из мертвых.

Мила молча уставилась в пол.

– Ну? Что-то не так? – безмятежно поинтересовался Розенберг. – Пока я лежал в больнице, ты разлюбила японскую кухню?

– Не разлюбила, – пробормотала Мила, по-прежнему глядя в пол. – Но Стас меня бросил. Вроде бы... – добавила она.

Розенберг едва не рассмеялся: он был твердо уверен, что между такими молодыми и хорошими людьми, как Мила со Стасом, могут происходить только пустячные размолвки. Но его любимая приемная дочь сидела, ссутулив плечи и понурив голову, и это необходимо было немедленно исправить.

– Из-за чего, позволь узнать?

– Я случайно проболталась, что девчонки учатся в Англии, он стал расспрашивать, слово за слово... В общем, он понял, что у нас много денег, взбесился и ушел.

– Мила, жена должна уметь врать, это основа счастливой семейной жизни, – назидательно сказал Розенберг. – Но вообще-то синьор Помидор радоваться должен. Я еще понимаю, если бы мы врали, что богаты, а оказались на самом деле нищими.

– А он сказал, что мы с тобой его за альфонса держали... И нахлебником он быть не хочет! – После этих слов Мила горько зарыдала.

Розенберг рассеянно погладил ее по голове.

– И теперь ты злишься, что я попросил тебя не говорить ему о наших деньгах? Ну наверное, лучше было дать вам во всем разобраться самим... Давай я съезжу, поговорю с ним? Скажу, что вовсе не подозревал его в корыстных целях, а просто хотел, чтобы вы какое-то время пожили в стесненных условиях. Ничто так не укрепляет брак, как совместно пережитые трудности, ты знаешь. Но искусственно созданные комбинации долго не живут, я должен был это предвидеть. Да не реви ты, – прикрикнул он, – сейчас кофе выпью и поеду.

– Тебе надо отдохнуть после больницы, – неуверенно сказала она.

– Я прекрасно себя чувствую. Говорю тебе, за мной прекрасно ухаживали. Эти идиоты-наркоманы не стали дожидаться, пока я добровольно выдам деньги и ценности, сразу врезали кирпичом по башке, так что если бы не врачи, последствия могли быть гораздо серьезнее. А так у меня оста-

нется маленький шрам под челюстью, да и его можно при желании убрать. Ладно, сегодня разберусь с твоим гордым оборотом, а благодарить завтра поеду. Хоть и говорят, что услуга, которая уже оказана, ничего не стоит. Но я им всем очень благодарен. Особенно этой сестричке... Хорошенькая она, я тебе скажу... – Розенберг мечтательно уставился в потолок, но тут же спохватился: – Так где сейчас находится мой дорогой будущий зять? Как честный человек, он обязан на тебе жениться, сколько бы денег у тебя ни было. Я доведу эту мысль до его помраченного сознания. А будет выпендриваться, так в дыню ему закатаю.

Мила улыбнулась сквозь слезы:

– Не думаю, что жених в кровоподтеках будет достойным украшением свадебной церемонии. Не хочет – не надо. Это его дело, на ком жениться. Правда, не езд.

Розенберг посмотрел на часы.

– Сейчас он, должно быть, еще в клинике.

– Да, и туда нет смысла ехать. Если главврач заметит, что Стас занят посторонними делами в рабочее время...

– А я скажу, что пришел к нему на консультацию!

– Да ты что! Для их главврача каждая платная услуга, оказанная помимо него, как нож в сердце. Нет, лучше позвони Стасу и договорись. Если он, конечно, захочет с тобой встречаться. Я сама звонила ему сегодня, так он сказал, что нам видеться незачем.

Розенберг хмыкнул, взял из вазы красное яблоко и энер-

гично подобростил его несколько раз.

– Звонить не будем. Используем фактор внезапности. Я его подкараулю возле клиники.

– Ты что, мальчик – в засаде сидеть?

– Дочь, все очень просто! Пусть Миллер ему позвонит, скажет, что надо срочно повидаться, назначит встречу, а тут я! Внезапный сыч, помнишь, была такая рок-группа? Хотя ты еще маленькая, у вас другие кумиры.

Медицинский мир тесен. Дмитрий Дмитриевич Миллер, известный нейрохирург, был однокашником и другом Розенберга по институту. Одно время Розенберг даже мечтал, чтобы закоренелый холостяк Миллер стал его зятем, но Дмитрий Дмитриевич знал Милу еще ребенком и не мог относиться к ней как к взрослой женщине. Стас Чесноков проходил ординатуру в клинике, где профессор Миллер оперировал, и познакомился с будущей невестой именно благодаря ему. А недавно холостяцкая жизнь Дмитрия Дмитриевича закончилась, и, по доходившим до Розенберга слухам, он уже ждал первенца...

Розенберг тут же привел свой план в исполнение. Профессор Миллер не любил играть в шпионские игры, но отказать другу не смог и встречу назначил. До условленного времени оставалось около двух часов, и Мила с Розенбергом решили пообедать.

– Как ты думаешь, что будет лучшим подарком для молодой медсестры? – спросил он за едой. – Какое-нибудь укра-

шение? Или просто конверт?

– Конверт лучше. Ты не знаешь ее вкусов. А так она сама выберет, что ей нужно.

– Да... Но деньги как-то не очень удобно совать...

Мила с интересом покосилась на романтично настроенного отчима. До сих пор такие тонкости не приходили ему в голову.

– А она тебе сильно понравилась!

– Да нет, просто она милая и удивительно добрая девушка. Я очень ей благодарен.

– Вот и поухаживай за ней! Яша, в самом деле, сколько можно! – Мила поставила перед ним тарелку с картофельным пюре и двумя огромными котлетами, но сама за стол не села: ей было удобнее говорить, расхаживая по огромной, прекрасно оборудованной кухне коттеджа. – Тебе просто необходимо жениться! Девчонки в Англии, я, бог даст, выйду за Чеснокова. – На всякий случай она перекрестилась. – Конечно, я очень хотела бы, чтобы мы здесь жили все вместе, но Стас вряд ли на это согласится. Скорее всего, он захочет, чтобы я переехала к нему. И что прикажешь мне делать? Жить на два дома? Или отказаться от Стаса ради тебя?

– Ты с ума сошла! Дети никогда не должны жертвовать собственной жизнью ради родителей! Живите где хотите. Можете здесь, а я на Крестовский поеду. Впрочем, вашу дислокацию мы обсудим с Помидором через... – Розенберг посмотрел на настенные часы, поскольку ручные с него сняли

наркоманы, – ровно через полтора часа.

– Но ты не можешь жить один! Кто будет тебе готовить и вообще вести дом? Ты неделю пожил один и пожалуйста – загремел в больницу.

– Даже если бы у меня был полон дом народу...

– Кто-нибудь сообразил бы купить все необходимое днем! – отрезала Мила. – И тебе не пришлось бы выходить за хлебом ночью, когда силы зла властвуют безраздельно! Будь у тебя жена, она бы по крайней мере надоумила тебя ехать на машине, подсказала бы, что полночь не время для пеших прогулок.

– Можно взять экономку, – пожал плечами Розенберг. – Или даже экономку, горничную и кухарку. Не морочь мне голову, а? Какая жена? Моя жена – Ольга Алексеевна.

– Мама умерла, – жестко сказала Мила и достала сигареты из узкого блестящего шкафа, где хранились всякие хозяйственные мелочи: формочки для печенья, медная ступка, пергамент и скалка. – А ты еще молодой мужчина. Не думай, что все эти твои «папаша Розенберг», «старик Розенберг» могут кого-то ввести в заблуждение. Тебе ведь всего тридцать семь лет!

– Всего! Пушкин в этом возрасте был уже убит.

– Но ты, слава богу, остался жив! – Она опять перекрестилась. – Многие люди в твоем возрасте женятся в первый раз.

Мила закурила, не опасаясь, что отчим станет ее ругать. Он знал, что она берется за сигарету только в самых крайних

случаях.

Розенберг улыбнулся дочери и открыл окно. До весны было еще далеко, но на улице неожиданно потеплело, снег таял, и вода беспечно капала с крыши, чистая, сверкающая, а стук капель по крыльцу был совсем весенним. Только птицы, упорно возвещающие весну даже в самых грязных районах города, еще не пели... Солнце светило ярко, лучи его распались в лужах на тысячи солнечных зайчиков, и на Розенберга неожиданно пахнуло давно забытым ветром надежд юности...

– Моя молодость и любовь уже позади, – грустно сказал он. – Я был счастлив, а теперь нужно покориться природе и не пытаться взять у нее сверх положенного.

– Здравсте! – фыркнула Мила. – Ты хочешь сказать, что уже ни на что не способен?

– Да нет, дело не в этом. Секс – это одно, а любовь, влюбленность... Они возможны только в юности. Попытки искусственно затянуть весну человеческой жизни, продлить юность смешны и нелепы. Да и отвратительны, в конце концов. Яблоко, не снятое с ветки вовремя, все равно сгнивает в положенный ему срок.

– Если ты решил удариться в поэзию, отвечу тебе, что яблоко сгнивает, а яблоневое дерево зацветает заново всякий раз с приходом весны! Кто тебе сказал, что любовь возможна только в юности? Сколько маме было лет, когда она за тебя выходила? Тридцать четыре, всего на три года меньше, чем

тебе сейчас. А я, между прочим, живое свидетельство того, что она кого-то любила и до тебя! Значит, по твоей теории, она жила с тобой без любви, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.